

ством жилища у припамирских народностей в XIX — начале XX в. // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 24—29.

Назарова 2004 — Назарова З. О. Реликты древних верований в этнокультурном контексте (на материале ишкашимского языка) // Ирано-славика. М., 2004. № 2. С. 70—75.

Назарова 2007 — Назарова З. О. Этнолингвистический анализ лексики, связанной с рождением и наречением ребенка (на материале ишкашимского языка) // Вопросы филологии. 2007. № 2 (26). С. 55—66.

Писарчик 1958 — Писарчик А. К. Жилище // Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958. Вып. 2. С. 420—486.

Расторгуева, Эдельман 2000 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1.

Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2003. Т. 2.

Розенфельд 1982 — Розенфельд А. З. Таджикско-русский диалектный словарь. Л., 1982.

Розенфельд 1975 — Розенфельд А. З. Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков // Страны и народы Востока. М., 1975. С. 210—221.

Стеблин-Каменский 1999 — Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Шохуморов 1997 — Шохуморов А. Памир — страна ариев. Душанбе, 1997.

Morgenstierne 1974 — Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.

Сокращения

- авест. — авестийский язык
- араб. — арабский язык
- б.-тадж. — бадахшанский говор таджикского языка
- барт. — бартангский язык
- бух.-араб. — диалект бухарских арабов
- вах. — ваханский язык
- др.-ир. — древнеиранский язык
- и.-е. — индоевропейский язык
- ишк. — ишкашимский язык
- кирг. — киргизский язык
- кл.-п. — классический персидский язык
- пар. — парачи язык
- паш. — пашаи язык
- п. — персидский язык
- руш. — рушанский язык
- рош. — рошорвский язык
- санг. — сангличский язык
- сар. — сарыкольский язык
- тадж. — таджикский язык
- т. бад. — бадахшанский говор таджикского языка
- т. ванч. — ванчский говор таджикского языка
- т. кар. — каратегинский таджикского языка
- т. кул. — кулябский таджикского языка
- шуг. — шугнанский язык
- язг. — язгулямский язык

Т. К. ЦЕРЕТЕЛИ

(Москва)

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ СВАНЕТИ

Основная форма жилища в горных районах Грузии (как восточной, так и западной) — жилые башни, характеризующиеся региональными особенностями, не выходящими, однако за пределы типологической общности. Горный тип грузинского жилища — один из вариантов горно-кавказской башенной культуры. Грузинские жилые башни имеют аналоги в Осетии, Ингушетии, Дагестане (это относится и к оборонительным башням) [Робакидзе 1984, 24, 31]. В самой Грузии данный тип распространен по широкой полосе высокогорья — Тушети (*sixe*), Хевсурети, Мтиулети, Хеви (*kvithiri*), Сванети (*lazga-mur.qwam*) [Гегечкори 1986, 16—17].

Горно-грузинский тип жилища представляет собой каменное сооружение на растворе или сухой кладке, жилые и хозяйственные помещения которого расположены в вертикальном плане [Робакидзе 1984, 24]. Обычно это двух — четырехэтажное здание, хотя в Тушети (Восточный Кавкасион) встречаются и пяти — семиэтажные *sixe*. Вплоть до второй половины XIX в. эти сооружения являлись основным видом жилища в горной части Грузии [Гегечкори 1986, 17]. Характерные черты этого типа — средоточие в одном комплексе человека и скота с необходимым запасом продовольствия и корма, сельскохозяйственным инвентарем. Таким образом, подобный комплекс всегда мог превратиться из жилища в крепость [Робакидзе 1984, 24].

В период своего формирования этот тип жилища по своим хозяйственным функциям соответствовал интересам хозяйства с преобладающим значением скотоводства. Об этом можно судить по распределению площади, значительная часть которой — помещения для скота, его корма, хранения и переработки молочных продуктов и т. д. — служит интересам скотоводства. В социальном отношении дом сохранял следы общесемейного уклада, о чем говорит распределение жилой площади — отсутствие деления на отдельные камеры, почетное место старшего в семье, порядок распо-

ложения членов семьи во время трапезы и сна [Робакидзе 1984, 24].

В прошлом в Сванети ареал распространения жилых башен охватывал весь регион, однако в позднем средневековье ситуация меняется [Калдани 1986а, 41]. Нижняя Сванети становится сравнительно легкой добычей для равнинной Грузии и переходит во владение князей Дадияни, позаботившихся о том, чтобы у населения было меньше средств самозащиты. В результате уже в XIX в. жилой комплекс с оборонительной башней в Нижней Сванети стал редкостью. Что касается Верхней Сванети, то благодаря Большому Кавказскому хребту она была защищена как от северных соседей, так и от равнинной Грузии. Начиная с XVI в. часть Верхней Сванети, известная как Нижнебальская Сванети, оказалась во владении князей Дадешкелиани, запретивших рядовому населению строить башни, а с уже построенных заставили снести боевые этажи. После этого население Нижнебальской Сванети для проживания стало строить старинный сванский двух- или трехэтажный дом без башни, а в уже существующих комплексах башни теряли свое оборонительное значение и постепенно исключались из сферы жилья. В Верхнебальской Сванети строительство башен никем не было ограничено, именно из таких комплексов здесь в основном и состояли села [Калдани 1986а, 42].

В основе классификации сванских жилых комплексов лежат особенности защитных функций [Бухрашвили 1989, 7]. Выделяются три основных типа — жилая башня (дом-крепость), жилой дом с оборонительной башней, жилой дом с оборонительной башней и оградой [Робакидзе 1984, 26]. Помимо них есть и промежуточные формы — сванириани [Калдани 1986б, 63] (дом со *swanir*) и санцхвириани [Калдани 1986в, 71] (дом с *sancxwir*).

Сванириани был распространен преимущественно в Нижнебальской Сванети в позднефеодальный период и состоял из двух частей — *kor* и *swanir* [Робакидзе 1984, 39] (*Swanir* — пристроенная к жилищу башня, гораздо меньших по сравнению с оборонительной башней размеров). Нижняя часть *swani* (*gwem*) предназначалась для хранения продуктов питания, здесь же находились глиняные кувшины для хранения напитков. Второй

этаж служил подсобным жилым помещением, им пользовались новобрачные, сюда устраивали гостей на ночь. Третий этаж имел оборонительное назначение — здесь хранились порох, оружие и проч. [Робакидзе 1984, 40].

Санцхвириани представляет собой двухэтажный жилой дом с амбразурами (*cxwir* — стрела) [Калдани 1986в, 71]. Он не имел ни обычной сванской башни, ни *swanir*. Оборонительную функцию выполняли амбразуры, находящиеся в углу дома, либо во всю его высоту, либо в высоту второго этажа [Робакидзе 1984, 40].

Определенное расположение башен, принадлежавших отдельным семьям, могло обеспечить и общесельскую оборону. Такая тенденция к организации обороны характерна не только для Сванети и Северного Кавказа, но известна в других регионах мира [Джандиери, Лежава 1976, 80] (цит. по [Робакидзе 1984]). Позже в Сванети обнаруживается тенденция, когда отдельно взятая семья старается возвести жилой комплекс в стратегически выгодном по отношению к селу месте и навязать ему определенные обязательства. Село боролось с такими тенденциями, и обычно все заканчивалось тем, что эту семью вырезали [Калдани 1986а, 42].

Исследования генезиса сванского жилого комплекса дают возможность утверждать, что исходной формой этого комплекса была жилая башня (дом-крепость), давшая начало производным формам [Робакидзе 1984, 29] (Робакидзе опирается на следующие работы: [Харадзе, Робакидзе 1964; Калдани 1978; Макалатиа 1945]). Процесс развития жилой башни шел по двум направлениям: 1. отмирание оборонительной функции; 2. усиление той же функции. В первом случае жилой дом либо вовсе терял оборонительные элементы, либо они приобретали чисто орнаментальное значение. Второй путь развития привел к образованию комплекса, состоявшего сначала из жилого дома и оборонительной башни, обнесенных затем оградой (*galwan/zgwid*), а затем к укреплению в виде замкового сооружения (замок Дадешкелиани). Такой комплекс имел свой источник воды, свою церковь, представляя во всех отношениях вполне автономную хозяйственную единицу.

Такой путь развития подобных жилых комплексов прослеживается также на материале ингушских, осетинских, балкар-

ских комплексов. Если судить по этой схеме развития, в Верхней Сванети жилой дом потерял оборонительные функции и обзавелся оборонительной башней *mur.qwan*. *Mur.qwan* — каменное сооружение в несколько этажей, непосредственно связанное с домом и обеспечивающее значительно более надежную оборону [Робакидзе 1984, 30—31, 37—38].

Согласно И. А. Джавахишвили термином *mur.qwan* обозначали подобные оборонительные башни и в других районах Грузии. Более того, Джавахишвили считал, что *mur.qwan* — древнейший термин, которым в Грузии называли башни. В подтверждении этого Джавахишвили обращается к материалам, относящимся к горным районам — Пшави, Хевсурети и Тушети, где женское божество солнца Пиримзе называли «Мурквносели» («живущая в башне») [Джавахишвили 1946, 44—45] (цит. по [Калдани, 1986а]). Что касается Сванети, то там этот термин использовался для обозначения праздника *mur.qwatoba*, связанного с культом плодородия. Во время праздника сооружали снежную башню *mur.qwat*. На башню водружали елку, на елку вешали корзину *para*, два деревянных меча *dashnar* и дере-

вянное изображение фаллоса *sakmisa*, которое хранилось в определенной семье и передавалось из поколения в поколение. Сначала на снежной башне исполняли танец *perxuli*, затем спускались, делились на две группы и начинали толкать башню. На чью сторону обрушится башня, те и считались победителями — у них должен был быть хороший урожай. Связь снежной башни *mur.qwan* с культом плодородия должна указывать на древность как самого праздника, так и термина, его обозначающего [Макалатиа 1926, 133] (цит. по [Робакидзе 1984]).

Сванские оборонительные башни в основном 3—5-этажные, в отдельных случаях 8—9-этажные. Строили их, главным образом, из рваного камня *mukix bāč*, булыжника *gurna*, перекрытия делали из шифера *қа*, применяя, как правило, известковый раствор *girç.qäl*. Башни завершались двускатной крышей. Во многих оборонительных башнях первый этаж был забучен, в таких случаях тяжелая одностворчатая дверь возвышалась над уровнем земли на 3—6 метров. Первый этаж в 3—5-этажных оборонительных башнях на время осады отводили для скота, средние этажи предназна-

Уцугли, д. Чажашви. Фото предоставлено И. Родионовым, 2008 г.

чались для семьи, последний этаж имел оборонительное назначение [Робакидзе 1984, 31—32].

Башни различались не только высотой и этажностью, но и количеством бойниц, от которого зависела обороноспособность башни. Количество бойниц наряду с количеством этажей, высотой входной двери над уровнем земли и некоторыми другими признаками отражали социальный статус владельца. С появлением рядом с домом оборонительной башни и перемещением в нее оборонительных функций особое значение приобрел парпет по всему верхнему периметру башни с бойницами, составляющими наиболее оригинальную черту сванских башен [Робакидзе 1984, 32—33].

Немаловажное значение для обороноспособности башни имел и способ ее сообщения с жилым домом. В одном случае строили специальное помещение *gubänd*, прикрывающее входы в оборонительную башню и жилой дом и обеспечивающее связь между ними. В другом случае приставляли деревянный переход-балкон, соединяющий жилой дом со вторым или третьим этажом оборонительной башни [Робакидзе 1984, 33].

Сванский жилой дом как составная часть жилого комплекса сохранил древнегрузинское наименование *kor*, обозначающее «дом, воздвигнутый над домом» [Орбелиани 1949, 717] (цит. по [Робакидзе 1984]). Согласно И. А. Джавахишвили термином *kor* в древнегрузинских письменных источниках обозначаются этажи дома, возвышающиеся над первым этажом и по своему назначению отличающиеся от него [Джавахишвили 1946, 66] (цит. по [Робакидзе 1984]). Производные же от *kor* — *zeda koredi*, *kored* — *koredi* в письменных памятниках XI в. обозначают высокий либо многоэтажный дом. В Тушети термином *kor* пользуются для обозначения опоры перекрытия дома, а в горных районах Аджарии так называют помещение для хранения зерна, обычно устраиваемое на чердаке [Робакидзе 1984, 21].

Сванскому *kor* соответствует грузинское *sa-x-l-i*, менгрельское *o-x-or* и чанское *o-x-or-i* (*li* в грузинском и *or* в чанском представляют собой суффиксы-детерминанты, *sa* — суффикс словообразовательный). На основе этого можно предположить, что *saxli*, *oxori* и *kor* представляют собой древнейшие грузинские

термины, обозначающие жилой дом и семью (А. И. Робакидзе приводит следующую литературу: [Чикобава 1938, 151; Кипшидзе 1914, 296; Климов 1964, 171; Март 1910, 178]).

Сванский *kor* представляет собой каменное на растворе сооружение, первый этаж которого именуется *sgir* или *mačwib*, а второй — *darböz* или *mažib*. Наиболее традиционные дома снаружи имели пристройку в виде коридора *xagäm*, способствовавшую сохранению домашнего тепла. Сюда попадали через внешнюю дверь *käme.qör*, а отсюда во внутреннее помещение *nencgä kor* и хлев *gwalä kör*. Иногда с внешней стороны дома пристраивалось помещение *gwem*, первый этаж которого предназначался для хранения продуктов, а второй служил летним помещением семьи. Для менструирующих женщин строились специальные деревянные сооружения *laušdwär*.

Нижний этаж сванского дома состоит из двух частей — *gwal* и *la.qulp*. Эти термины обозначают соответственно место стояния скота и место расположения очага. Нижний этаж разделен деревянной перегородкой *leç'undri*, устраиваемой вдоль двух стен с правой стороны от входной двери. За перегородкой размещали скот: вдоль первой стены быков, вдоль второй — коров, называя эти места *laqan* и *lapur*. Лошади в этой части дома отводили особое место — *lačazir*. Для мелкого рогатого скота устраивали настил *lažap*, иногда для этого использовали перекрытие хлева *lagwliär*, на остальной же части перекрытия размещали домашний и хозяйственный инвентарь. В деревянной перегородке *leç'undri* были оставлены проемы полукруглой формы *latej*, сквозь которые скот свободно просовывал голову и кормился из яслей *laldiär*, устроенных с внешней стороны перегородки [Робакидзе 1984, 34—35]. Перегородки, устраиваемые иногда во всю высоту дома, были богато орнаментированы. Орнамент этот имел явно выраженную магическую функцию. Перегородка представляла объект довольно сложного ритуала, связанного с культом плодородия и культом предков [Барбавелидзе 1953, 178].

Вдоль третьей стены были устроены нары, где семья располагалась на ночь. Здесь же на столбах были развешаны одежда и оружие [Робакидзе 1984, 35]. Вдоль четвертой стены (это место со-

держалось в особой чистоте) находился длинный камень *bəjār*, на котором был помещен инвентарь для хлебопечения и закрома для хранения зерна *ķibden*. В одном из углов *mačwib*, огороженном дощатой перегородкой, стояла глиняная посуда для хранения напитков — *marān*.

Во второй части первого этажа *la.qulp*, которая была отведена для семьи, находился очаг *.qulpa*, над ним — железная конструкция *ķerāi*, на котором находился плоский камень для выпечки хлеба. Вверху над очагом был устроен настил *šgul*, имеющий украшенную различными изображениями деревянную раму с шиферной плоскостью — она предохраняла крышу от огня и служила местом вяления мяса. К настилу привешивали светильник из фигурного железа *lamt.qwarāl* [Робакидзе 1984, 35].

Об особом значении очага в формировании жилого комплекса и развитии семейного быта говорят названия части жилища, в которой расположен очаг, — *.qwelp*, членов семьи — *te.qulpa* и форм взаимоотношений между членами семьи — *li.qolp*. Летом, при переселении семьи на второй этаж, особое значение придавалось перемещению очага с первого этажа на второй — оно было сопряжено с выполнением определенного ритуала. Возможно, это было связано с представлением о единстве семьи, которое отражал очаг, и в силу этого представления он должен был существовать в единственном числе. Значение очага также нашло отражение в обычаях, связанных с кровной мезью. Нормы же обычного права предусматривали при случаях воровства различные санкции в зависимости не только от стоимости украденной вещи, но и ее положения по отношению к очагу [Робакидзе 1984, 36—37].

Семья располагалась вокруг очага. У старшего в семье (*korā maxwši*) был особый орнаментированный стул — *saqurcxil*. Пользоваться этим стулом имел право только *korā maxwši*, однако мог уступить его почетному гостю. *Saqurcxil* был непременным атрибутом каждого сванского жилища [Читая 1925, 98—100]. Какой бы бедной ни была семья, в доме обязательно стоял *saqurcxil*. Он играл важную роль в семейных ритуалах, в том числе, был связан с культом предков. Сваны верили, что душа покойника в течение года остается в своем доме. В годовщину смерти его семья должна была устроить гранди-

озные поминки — *katdabag* или *lagvan*. Если семья была бедной, порой даже приходилось продать родовое гнездо, хотя в любое другое время это считалось большим позором. Во время поминок во главе стола ставили стул *saqurcxil*, на который сажали чучело в одежде, принадлежавшей раньше покойнику. *Saqurcxil*, кроме того, использовали во время ежегодного ритуала поминовения предков — *lipānal*. Он начинался 5-го января (по старому стилю), в канун Крещения, и продолжался до ближайшего понедельника, когда бывало так называемое «длинное утро» — *fōdi xam*. Считалось, что в это время души умерших гостили в своих домах [Шиллинг 1931, 94]. К вечеру первого дня (*adgom*) представитель семьи с водкой *ara.q* отправлялся на кладбище, чтобы «пригласить» умерших. Он подходил к могилам родственников и просил их посетить его дом. При этом часть *ara.q* он возливал на могилы, а часть выпивал сам. В это время в доме открывали входную дверь и ждали. Когда посланный возвращался с кладбища, он сообщал семье, что идут гости. Вокруг очага для «гостей» были поставлены столы с постной едой и ритуальными лепешками *lemzir*. Возле очага стоял маленький стол с трех ножках, а около него — стул *saqurcxil*, который предназначался первопредку [Читая 1925, 101—102]. На столах зажигали свечи, мужчины снимали шапки и проводили несколько минут в полной тишине. Считалось, что в это время «входили» гости. Затем к почетному стулу *saqurcxil* благоговейно приближался старший в семье с чашей *ara.q* в руках и произносил: «*xočav lakun šarx sablu čis*» (дословно: «доброе вам покоя»). Несколько дней души умерших гостили в доме, пока не наступало «длинное утро» *fōdi xam*, когда старший в доме «выводил гостей за порог», опять же при полном молчании членов семьи. Сначала он ставил душам стол с угощениями на пороге дома, а затем — во дворе [Шиллинг 1931, 95—96]. Удовлетворенные души должны были покинуть дом. Как видно, в этих обрядах немалую роль играл стул *saqurcxil*.

Что касается живых гостей, то их сажали на длинную скамью *largim*, на которой помещалось 7—8 человек. Для членов семьи имелась обычная скамья *bandār* [Робакидзе 1984, 35]. Территория вокруг очага делилась на части, каждая из которых имела свое наименование и назна-

чение. Сторона, где располагался очаг, называлась *qacxäš*; сторона, где были продукты питания — *qagešgin*. Также различали *qerä sgäxhen*, сторону, связанную с выполнением женских работ, и *kāme .qwelp* — внешнюю сторону. Это имело значение и для порядка расположения семьи вокруг очага — мужчины занимали место, откуда хорошо просматривалась дверь, а женщины и дети должны были иметь возможность в кратчайший срок укрыться в оборонительной башне.

Жилая площадь первого этажа состояла из двух основных частей, из которых передняя принадлежала мужчинам и именовалась *lağuzmār*, а задняя (внутренняя) — *lazural* — принадлежала женщинам. На мужской стороне хранилось оружие, орудия труда; на женской стороне — инвентарь, необходимый для выполнения различных домашних работ, инвентарь для домашнего хозяйства, посуда, часть продуктов питания. Аналогичное функциональное деление жилой площади характерно и для других районов горной Грузии, а также для жилищ типа *darbaži* — равнинных грузинских жилищ. Кроме того, установлено, что подобная практика бытовала у всех народов горного Кавказа в виде стойкой и глубокой традиции [Робакидзе 1984, 36—37].

Жилые комплексы в Сванети так же, как и в других горных районах Грузии и Кавказа, помимо оборонительной, социальной и хозяйственной функций имели и культовое значение. Здесь вокруг очага, в специально отведенном месте, выполняли ритуалы, связанные с религиозными представлениями сванов. В жилой части сванского дома имелись ниши и проемы различного назначения: одни служили световыми окнами, другие — бойницами. Но в одной из стен (обычно восточной) находилась молитвенная ниша *lamzir laqwra* ('молитвенное окно'), у которой в праздничные дни выполняли определенные ритуалы [Барбавелидзе 1953, 167]. Такого рода молитвенные места составляли обязательный элемент традиционного сванского жилища.

В религиозных представлениях сванов среди различных культов важное место занимало представление о хранителе дома — *mezir* или *korä mezir*, в честь которого под Новый год выполняли специальные ритуалы [Чартолани 1977, 125—148]. К *mezir* обращались с молитвой

женщины, жертвовали ему ритуальный хлеб с сыром *tašār diār*. Один хлеб клали в дырку в стене, считалось, что его съест *mezir*, два других съедали женщины (обязательно без мужчин). С представлением о хранителе семьи был связан священный камень *bäcä gwigw* ('сердце камня'), именуемый также *čxudani*. В Нижней Сванети молитвенный камень называли *foğon*. Видимо, эти камни были вещественным изображением божества дома, хотя связь *mezir* и молитвенных камней до сих пор до конца не выяснена. Молитвенному камню приписывалась магическая сила *.qer*, способствующая обеспечению многочисленности семьи, скота и пр., но и могощая наслать несчастья на семью. Ритуалы, связанные с молитвенным камнем, выполняла старшая женщина в семье. В понедельник и четверг каждого новолуния к камню несли жертвенные хлебы (в количестве трех, шести или девяти), водку и свечи (обычно три). К *bäcä gwigw/čxudani* обращались со словами: «*didäbu äfgeda igsva .qers, ušädd numa acura nishgvei kumäš i märe*» («Пусть славится твоя сила, не оставь без своей милости наш скот и человека») [Чартолани 1977, 129]. Свидетельством магической силы камня считалось его «потение», а «потел» он, по некоторым сведениям, в новолуние, по другим сведениям — только, когда «сердился». В случае «осердчания» ему надо было молиться и преподносить жертвенную пищу. Камень хранился обычно в *marän* или в *gwet*.

Первое описание молитвенного камня встречается у Ковалеского: «высокий и узкий (100x25 см), неправильной формы камень прикрыт как шляпой другим широким плоским камнем причудливо-треугольной формы» [Ковалеский 1930, 122—123] (Цит. по [Чартолани 1977]). Камни могли напоминать человека или животное, могли быть чуть подправленными человеком или же природными. Их могло быть несколько (но лежали они вместе). Однако были они не в каждом доме — при сегментации большой семьи камень в новый дом не переносился, а оставался в старом. При этом отделившаяся семья почитала его также. Иногда одному камню поклонялась целая патриархия [Чартолани 1977, 147].

Одним из примечательных свойств сванского жилого комплекса является темница, устраиваемая под жилым поме-

щением, куда бросали пленника. Темница называлась либо *dileg* (считается, что термин имеет древнеиранское происхождение, в сванский проник из аланского, а возможно и через грузинский), либо *lanḡ .qowir/lanḡ.qwewir* (термин образован из грузинского *ḡ.qve* ('пленник') и оформлен сванским образовательным суффиксом *la*). Пленение в Сванети главным образом было способом получения выкупа, а также применялось для наказания за оскорбление личности. В случае, когда за пленника требовали выкуп *saxsär*, родственники плененного обращались с своему старейшине — *maxvishi*, который входил в контакт с *maxvishi* общины, где находился пленник. После этого пленивший вместе с несколькими лицами из своего окружения вступал в непосредственные переговоры с родственниками своей жертвы. В это время такое же количество человек со стороны плененного в виде заложников *ḡawal* находились в общине пленившего. С достижением согласия о размере выкупа пленивший возвращался домой, давал клятву по установленной для подобных случаев форме и освобождал как пленника, так и заложников. До решения вопроса относительно выкупа пленник находился на положении гостя. Он свободно разгуливал по двору пленившего, мог по своему усмотрению заколоть любую живность и полакомиться ею во дворе и даже пригласить на трапезу других [Нижарадзе 1962, 50] (цит. по [Робакидзе 1984]). В темницу сажали в случае, если родственники пленника запаздывали с выкупом [Габлиани 1927, 113] (цит. по [Робакидзе 1984]).

Если пленение было целью наказать за оскорбление, за пленника не требовали выкупа. Его держали некоторое время в темнице, после чего освобождали, считая это достаточной формой возмездия, полностью снимавшей позор [Робакидзе 1984, 51—52]. Бывший пленник, независимо от целей пленения, после освобождения считался опозоренным. Запрещалось хоронить его на освященной земле [Робакидзе 1984]. Он мог вернуть свое доброе имя, только убив пленившего. Унизительное положение пленника, очевидно, было основной причиной того, что пленники вообще не стремились к возвращению домой, оставаясь в доме пленившего на правах домашнего работника, обозначаемого термином *фамли*. *Фамли*, скорее всего, возводится к ла-

тинскому термину *famulus*, попавшему в сванский, видимо, еще во времена тесных контактов Западной Грузии с Римом и Византией [Робакидзе 1984, 52].

Начиная с 1920-х гг., когда традиционное сванское жилище теряет свою функцию, его начинают массово переделывать, деля жилую площадь на комнаты. С 1930-х гг. распространяется современный тип жилища. При этом престиж старого дома был очень высок, в нем принимали гостей, устраивали свадьбы, поминки, пекли так называемый «хлеб плача» *ḡeḡadiär*. [Чртолани 1970, 43, 47]. Сейчас в Сванети преобладает жилой дом *oda-saxli*, характерный для равнинной Западной Грузии, — двухэтажное здание с открытыми балконами¹. Однако, в отличие от классического западно-грузинского *oda-saxli*, где основным строительным материалом является дерево, в Сванети используют камень.

Современный дом уже ничем не напоминает традиционное сванское жилище. Единственная дань старому сванскому дому — молитвенная ниша в восточной стене, перед которой молятся по сей день. В семьях, где особенно чтят традиции, сохранился *saḡurcxil* — стул главы семьи, стоящий на видном месте. Его, согласно еще не потерянному обычаю, могут уступить почетному гостю. Высшая степень проявления уважения к гостю — когда ему дарят *saḡurcxil*. Правда, старинный *saḡurcxil* никогда не дарят, для этого изготавливается новый, а старый считается семейной реликвией. Реликвией считается, естественно, и жилая башня, за которой ухаживают, но уже никак не используют. Теперь она предмет гордости и показатель социального статуса семьи в прошлом.

Литература

Барбавелидзе 1953 — Барбавелидзе В. В. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1953.

Бухрашвили 1989 — Бухрашвили П. О. Место жилища в этническом быте (по историко-этнографическим материалам Восточной Грузии). Тбилиси, 1989.

Габлиани 1927 — Габлиани Э. М. Вольная Сванетия. Тбилиси, 1927 (На груз. яз.).

Гегечкори 1986 — Гегечкори Г. Дом-крепость в Грузии // Историко-этнографический

¹ Записано 4 июня 2008 г. в Тбилиси со слов грузинского этнографа, специалиста по Сванети, Хатуны Иоселиани, которую автор благодарит за помощь.

атлас Грузии: горные жилища в Грузии. Тбилиси, 1986. С. 10—17. (На груз. яз.).

Джавахишвили 1946 — *Джавахишвили И. А.* Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа. Сб. 1. Тбилиси, 1946. (На груз. яз.).

Джандиери, Лежава 1976 — *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.

Калдани 1978 — *Калдани А. М.* В мире башен. Тбилиси, 1978. (На груз. яз.).

Калдани 1986а — *Калдани А.* Жилой комплекс с башней в горной Грузии // Историко-этнографический атлас Грузии: горные жилища в Грузии. Тбилиси, 1986. С. 28—42. (На груз. яз.).

Калдани 1986б — *Калдани А.* Дом сванирани в Сванети // Историко-этнографический атлас Грузии: горные жилища в Грузии. Тбилиси, 1986. С. 55—63. (На груз. яз.).

Калдани 1986в — *Калдани А.* Дом санцхвириани в Сванети // Историко-этнографический атлас Грузии: горные жилища в Грузии. Тбилиси, 1986. С. 70—74. (На груз. яз.).

Кипшидзе 1914 — *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914.

Климов 1964 — *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Ковалеский 1930 — *Ковалеский Б.* Страна снегов и башен. Очерки сванской культуры. М., 1930.

Макалатиа 1926 — *Макалатиа С. И.* Культ фаллуса в Грузии // Мимомхилвели. Тифлис, 1926. Т. 1. С. 122—135. (На груз. яз.).

Макалатиа 1945 — *Макалатиа С. И.* Боевые и оборонительные сооружения нагорной Грузии. Тбилиси, 1945. (На груз. языке).

Марр 1910 — *Марр Н. Я.* Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.

Нижарадзе 1962 — *Нижарадзе Б. Ш.* Историко-этнографические письма. Тбилиси, 1962.

Орбелиани 1949 — *Орбелиани С. С.* Грузинский словарь. Тбилиси, 1949. (На груз. яз.).

Робакидзе 1984 — *Робакидзе А. И.* Сванети: жилище и поселения. Тбилиси, 1984.

Харадзе, Робакидзе 1964 — *Харадзе Р. А., Робакидзе А. И.* Сванское село в прошлом. Тбилиси, 1964.

Чартолани 1970 — *Чартолани М.* Современные жилища в Сванети // К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1970. С. 36—47. (На груз. яз.).

Чартолани 1977 — *Чартолани М. И.* Чхудани — идол сванского дома // Сванети. Тбилиси, 1977. Т. 1. (На груз. яз.). С. 122—148

Чикобава 1938 — *Чикобава А. С.* Чанско-мингрельско-грузинский словарь. Тбилиси, 1938. (На груз. яз.).

Читая 1925 — *Читая Г. С.* Сванский «сакурцил» // Известия Музея Грузии. Тбилиси, 1925. Вып. 2. С. 87—110. (На груз. яз.).

Шиллинг 1931 — *Шиллинг Е.* Сваны // Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Вып. 2. С. 79—102.

Н. К. ДАНИЛОВА
(Якутск)

ВЫБОР МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА И СИМВОЛИКА СТРОИТЕЛЬНОГО РИТУАЛА НАРОДА САХА

Для традиционного мировосприятия бескрайний мир был непознаваем, а потому и опасен. Неотъемлемой и желательной характеристикой своей территории, родины, была стабильность и устойчивость. Залогом такой устойчивости и порядка являлось замкнутое, оформленное, имеющее границу пространство.

Так, в эпическом наследии якутов своя земля, т. е. «освоенное» пространство, выступает в образе *алааса* — родины героя, установленного центра Вселенной (*Аан дойду*):

Ровно посередине Вселенной,
Была создана великая местность — *алаас*
[Ала Булкун 1994, 25].

В олонхо при описании *алаас* сначала указываются его периферийные области — границы, — т. е. происходит его вычленение из другого более крупного локуса — вселенной — и одновременное установление границ посредством последовательного введения четырех направлений, моделирующих и структурирующих пространство:

«Если посмотреть в сторону юга — имеет он девять высоких голых мывов, подобных девяти жеребцам; если повернуться и посмотреть на восточную сторону — имеет рослый темный лес, подобно вздыбившемуся загривку соболя; если посмотреть в сторону севера — имеет восемь огромных каменных утесов, подобных восьми бодающим быкам-производителям; если уставиться прямо на западную сторону — имеет восьмипроточное Араат море...» [Ойунский 1997, 15].

Включение *алаас* в освоенную территорию происходит путем ассоциирования границ с образами людей:

«Если выйти, чтобы посмотреть на юг, то на высоком холме он имеет образующие островок березы, подобные